

ГДЕ СПРЯТАН СМЫСЛ ВЕКОВ?

(Об Алексее Ганине)

«Алексей Ганин, в отличие от пролетарских поэтов двадцатых годов, вздымавших молоты и маузеры до звёзд, свой космизм «выпахал» в поле русской мифологии, в том поле народных верований, по которому впереди него шли Сергей Есенин, Николай Клюев и Сергей Клычков...» (Александр Романов)

О ЯЗЫКЕ СТИХИЙ И ВЕКОВОЙ МЕЧТЕ

Ганин чувствовал в себе дар посредника между стихиями природы и человеком. Он явлен миру среди избранных. Он из тех, кто был «властен словом» и, несмотря на молодость, «богат опытом».

«Серебряные крылья раскинул звук...
Всё – крылья звука. Проснись, душа!..»

Он, с «пророческим огнём» и «мятежной душой», «знал связь метели и огня», «пылинки и громады», поскольку чувствовал себя «песнью в странице звёздных книг»:

«Я песней ткал судьбу миров,
Вещал кончины и начала,
И песнь моя миры качала
На золотых волнах веков...»

Он мог «текущий миг в предвечном уловить». Мог остановить «в весенний день весенний миг», сожалел, что миг не вечен, а в жизни земной всё преходяще: «Пройдут синеглазые ночи, уснут златокудрые дни». Он слышал время и умел мистически с ним общаться – прошлым, настоящим и будущим. Поэт писал, что «познавший речь мою, поймёт

глаголы света», но мало кто мог, к несчастью, речь его услышать и тем более – понять через неё «язык природы и вселенной». Не каждому было под силу вникнуть в слово поэта и задуматься вместе с ним над вечными вопросами и сокровенными тайнами человеческого бытия:

«Кто рабу на певучей вершине
Повелел, как огню вострубить
В ухо вербы и вечности синей
Безымянную песню судьбы?...»

Потому он чувствовал себя среди глухих и слепых сородичей как в «житейской пустыне» – «безродным и бездомным». Он вынужден был «внимать чужим и злым, расточать сердце пред другом и врагом» и при этом «пророчить» в пустоту – «никому», потому что никто не был способен в мире его понять и услышать, кроме власти, беспощадной на расправу с её врагами.

Он живёт не как все, погружаясь «душой в новые миры» всякий раз, когда «стряхивает прошлый день в поток бурлящих лет». Он писал не просто стихи, он живописал в них и мир Божий во всем его благозвучии и разноцветье, и мир людей, в котором противостоят в извечной борьбе Добро и Зло, Тьма и Свет.

Важно отметить, что его «поэзия хроматична» (многоцветна). Об этом профессор Гурий Судаков написал замечательную статью «Живописное слово поэта», опубликованную в книге «К тебе пришёл я, край родной...» (Вологда, 2005).

В ней много интересных наблюдений. В поэме «Былинное поле», например, поэт драматизирует предсвадебное действо «противоборством черного и красного цветов (15 и 14 употреблений соответственно).

Поэма «Звездный корабль» (написана в 1916-1917 годах) – мистическое пророчество поэта. Поэт предвидел и черные годы, и великие мятежи, выразил надежду на счастливое будущее Отчизны. Родина у него окрашена в золотой цвет могущества и славы (двадцать три употребления), с нею связан белый (светлый, ясный) цвет духовности (шестнадцать случаев), синий (голубой, лазурный) цвет надежды (тринадцать примеров). В сражении за благополучие России участвуют различные оттенки красного цвета: алый, багряный, румяный, пламецветный (тринадцать употреблений)...

В соответствии с современными данными психосемантики преобладание светлых, положительных тонов в цветовой палитре

стихотворений Алексея Ганина свидетельствует об оптимистичном настрое его лиры. Поэт воспринимал окружающий мир многоцветным и добрым по отношению к человеку» (Г.Судаков). Поэт был надмирен, «всегда возвышенно чист, светел, определённо строг» (А.Смолин).

Он писал не просто стихи, а раскрывал «сотканную жизнью певучие зачатя» и делал переводы на язык человеческий «возгласов стихий», повелевая «глаголами света» и всеми красками и оттенками цвета. Его живое слово, опалённое небесными и земными грозами, несло в себе «дыханье звёздных сфер» и древнего язычества. И дыхание это, по мысли его, должно быть «в хлеве земном» очистительным.

В его стихах и поэмах «мифы прорастают в современность и тянутся в тьму вечности, в историческое или даже доисторическое время человечества» (С.Куняев). «Его система образов и символов требует расшифровки. В них – ориентация скорее на языческие тотемы, чем на общеизвестные, скажем так, православные каноны» (А.Смолин).

Он глядел на землю грешную, на край «убогий и печальный» не так, как все. Он пытался, любя его «любовью светлой и нездешней», увидеть мир Божий, как «прежний рай». Видя, что происходит в мире, Алексей Ганин заклинал: «Продлись хоть ты, мечта – с тобой мне легче зло». Но уже в который раз «кто-то дико заглумился над сном и сказкой вековой»:

«И чудится душе, встревоженной мечтами:
Безглазый лик времён дохнул из прошлых бурь.
Ветлюю гнётся жизнь, и мчатся дни за днями
Певучей желтизной в предвечную лазурь...»

О ГАРМОНИИ И ХАОСЕ

Но душа поэта ещё «цветёт, как облако золотое, погружаясь в тайны мирозданья», ещё и «земля, как синий дым, в зарю склоняется кротко».

«Да будет весела земля в веселье птичьем,
В цветах произрастив зелёную любовь...»

Он обнаруживал следы прежней гармонии там, где давно царил разлад, где уже и «красную родину черным кольцом обвил, беснуясь, змеей стальнотрубый».

«Повсюду любовь и отрада...
И солнце – небесный жених –
Овец златорунное стадо
Пасёт на горах золотых...»

Он предвкушал с вечера, как ему, отрешённому от мирской суеты, на утро «новый день положит в колыбель солнечный калач». Ведь не только зло, но «вовек, как злак произрастали в человеках мир и благоволение». Прислушиваясь к природе и вглядываясь в неё, он чувствует живую и кровную причастность человека к неземному миру. Он ещё верит, что всё на земле образумится:

«Близок свет. Перед радостной встречею
Причащаются травы росой.
Поклонись и мольбой человечью
Не смуди голубиный покой...»

Но искусно и незаметно «черный хаос свил в ушах гнездо своё», чтобы и он, уставший от разлада поэт, «поверил в рай». Нет на земле гармонии, миром и душами правит хаос, и даже «Вселенная нашла от хаоса приют в песне горящих сфер». И сам он «в безлюдном поле» совершенно один, а вокруг «тянется, зыблется смертная мгла, в синем огне цепенеет земля». Он боится «утратить блеск небес», потому что сразу «земля запахнет тленьем», и ты сам почувствуешь себя на ней «меж сирот беднейшим сиротой».

«Опять над Русью тяготееет
Усобиц княжичей недуг,
Опять татарской былью веет
От расписных узорных дуг...»

Многие из крестьян видели, что Россия ввергнута в очередную смуту и снова «в краю родном огонь и смерть», да не все, в отличие от Ганина, говорили об этом вслух, и уж никто не осмеливался облекать «крамольные» мысли в манифест. Ганин видел смерть, когда шла война – империалистическая и гражданская. Он всем существом своим протестовал против насилия и братоубийственной бойни.

«Сарай – весь мир.
Идут тела, гниеньем рваные,
Отпраздновать последний пир...»

Страшно жить во времена, когда «заря кровавою прорехой зияет

из-за чёрных туч», когда на твоих глазах «деревни, города, дворцы, леса и храмы трещат в зубах огня, как лёгкая щепка», когда «дети в рваных лапотках хрустят у дьявола в зубах», когда:

«И пуще носят повара
В воронках от снарядов взорванных
Мозги, кричащие «ура»,
И кашу, с грязью, тел изорванных,
Не знавших солнца и утра...»

Страшно почувствовать себя на земле одиноким, когда «стёрся лик человека и Бога», когда не покидает ощущение «хаоса», когда «никто и ничто»:

«Всё прах, где правит прах. На детский мяч – держава,
А скипетр пастуху – на ручку для кнута.
Ты слышишь крик ворон – то дни великой славы
Клюют минувший блеск, где дремлет нищета...»

Кажется, и эта смута, насланная на Россию свыше, не что иное, как очередное Божье для неё испытание и наказание за грехи смертные и утрату народом истинной веры. И не одним днём закончится смута («в минуте грозы – на столетие беды»), и пройдёт она, как «очистительный смерч», призванный вразумить погрязшего в плотском разврате человека и вернуть ему человеческий облик, достойный замысла Божьего.

Он знает, что и в эти роковые времена, выпавшие на долю России, Бог не оставил народ русский: «из тайных врат глядит на нас Судьба, и луч Души на камнях чертит знаки». Об этом нельзя ни на минуту забывать и надо угадывать смысл каждого знака и предзнаменования, предпосланного через него. В этом обезумевшем мире у поэта, которого разум «провёл по странам всех времён и каждый шаг его метил огнём и кровью», одно единственное желание: «душу живую сберечь бы».

Он искал повсюду гармонию, и даже «сквозь хаос» видел свет «звёздных костров». Но хаос – это вотчина сатаны: «Трещит земля от злых затей», «гнусь расползлася по красной земле, носятся вороны, чуя добычу». Тешатся бесы и празднуют победу:

«Вот они, жадные, лезут вперёд.
Ноздри их пышутся хаосом древним,
Пасти их жрут города и деревни...»

Страшно человеку жить на земле, если он чувствует, что «круг времён распался», и кажется, «сны времён сбылись», и уж близок Суд Божий, если и «воскреснувшие тихо идут рядами, и каждый несёт дела свои в руке»:

«О, жизнь, куда твой зов, лукавая гадалка,
Где спрятан смысл веков, кому восторг толпы?
Сквозь дым, и кровь, и гарь – века, как катафалки,
С гробами пышных царств ползут в глаза слепых...»

Легче жить, не замечая, что вокруг тебя происходит, спокойнее спать, не видя, как над жизнью глумятся призванные сатаной и завербованные из людей бесы, запродавшие ему свои души. Надёжнее смириться с властью и принять её такой, какая она есть, дескать, всякая власть – от Бога.

Ганин, обращаясь к человеку и веря в его разум, молитвенно взывает к нему: «Раскройся, человек, к Тебе держу я речь». Он его заклинает: «Страшись в пути огонь отцов развеять, в глазах у матери не запыли слезы». Он надеется пробудить в человеке жажду жизни: «Ищи разгадку тайн: на море и на суше, не Ты ли вышивал узор добра и зла?» Он пытается вразумить заблудившихся чад и привести их в чувства:

«Братья и сестры – холодные дети угасшей земли,
Что вы блуждаете по тёмным долинам
В похотях бранных, в ветхих одеждах веселья?..»

Такое ощущение, что русский мужик живёт от одного светопредставления до другого, а в ожидании конца света. Думает, а стоит ли вообще что-то всерьёз начинать, нужно ли и ради чего упираться, когда в один миг всё без следа канет в огненную бездну.

Вот вроде настало «ноне великое облегченье народу», «после многих чёрных и бурных годов – покой и раздумье», тут бы за дело-то и взяться, да нет у мужиков большой охоты «трудом и разумом украшаться».

В романе «Завтра» (описание жизни деревни Загнетино прошлой, настоящей и будущей) Ганин вглядывается в знакомые ему крестьянские типы, но уже под углом зрения нового времени, и пытается понять, как они представляют себе своё будущее, как и на каких духовных началах намерены его строить.

Об этом произведении Ю.В.Бабичева написала прекрасную статью «Алексей Ганин и его роман «Завтра» («К тебе пришел я, край

родной...»: Книга о судьбе и творческом наследии вологодского поэта Алексея Ганина, Вологда, 2005). Отсылаю к ней всех, кого интересуют художественные достоинства, повествовательный стиль и образная система романа.

Загнетинские мужики мечтают о «лучшей жизни». Устали они от прежнего житья, думают, «как бы жизнь на земле обустроить».

За грехи старые, за дорогу, веками разбитую, стыдит своих почтенных земляков молодой Митька Клюка:

«Тут и отцы наши ходили – маялись, и деды ходили – не радовались, ходим и мы, всем миром загнетинским грязь топаем, и ничево, не стыдно... Вишь, дожили, тово и смотри, либо по уши в грязь, либо глаз выворотит...»

А была бы дорога: «Оно бы и прямо, и ноге легко, и глазу приятно, и дурь бы всякая в голове не разгуливала...»

Митька в войну за границей побывал, видел, как люди живут, привился у него вкус к цивилизации. Там «высший смысл жизни» не в одних свистульках, а в самой жизни, в её разумном обустройстве. Слушают мужики Клюку, словно сказочника, любо им от заграничных картин. Вот уже:

«И снова клеится к слову слово в узорную быль. Новые думы печатаются в мужичьем уме. Новые небывалые силы ширятся в груди у загнетинских; вот ещё и разум опустится в руки, чтобы претвориться в дело и наполнить радостной жизнью безбрежный простор загнетинских вотчин...»

Но бывший деревенский богатея Чепя отрезвляет их и опускает с небес на землю:

– Земля... Ну? Нахватали вот и земли, а толку нет... И земля родить перестала. Земля она тоже хозяйственную руку знает, а теперь – разве хозяева? Ишь, докатились, все трун на труне...»

А и верно, пока загнетинцы о жизни на миру говорят, «что и как, чтобы лучше», то и разговор клеится, и светлое завтра видится яснее и представляется ярче, а как только они «заходят в болото – цветной поток рассыпается, ломается о пни да коры. Всё вразброд. И думы вразброд...»

В Загнетино по дедовским заветам живут и дело правят два «странника-правдоискателя» – дядя Прохор и дядя Иван. Первый от природы наделён силой богатырской и хватким житейским умом, второй – одарен душой поэтической и верой истовой. Они являют собой двуликий образ-тип русского крестьянина, как тургеневские Хорь и Калиныч.

Прохор, сравнивая день нынешний с прежними днями, вдруг увидел «не только свою, но и всех, всего Загнетина мучительную, бесполезную работу, идущую изо дня в день, из года в год...»

Это он, дядя Прохор, не без основания, наверно, назвал всех загнетинцев людьми «невзаправдошными», у которых и жизнь идёт не по разуму. А Митька Клюк к этой характеристике не без сожаления добавил: «Их не проймешь ни трубой, ни обухом, и не нужны они ни раю, ни аду...»

У загнетинцев, кажется, и «свобода добыта кровью» не для того, чтобы землю с любовью обихаживать и быт новый налаживать, а чтобы на собраниях глотку рвать, мечтать о будущем и делить должности руководящие.

Революция вызвала к жизни и новых героев, которые у мира решительно отвоёвывают своё место под солнцем. В романе Ганина – это Михай Митрич по прозвищу Чепа и Михаил Клюка. Чепа из бывших богачей и потому ко всему, что происходит вокруг него, относится с усмешкой, заранее зная, что у бедноты ничего путного не получится. А Миша Клюка из новых мечтателей. У него «слово к слову клеится в узорную быль, и всякая сказка кажется, как возможная и близкая явь».

Ещё и сам Алексей Ганин в послереволюционное безвременье верит в «новую явь» и душу России изображает в образе Агафейки, дочки Прохора, девушки ладной, сильной и задорной, «полной энергии и радостного ожидания, устремлённой в светлое завтра – «Синее и солнечное» (Ю.Бабичева).

Клюка безоглядно верит в чудодейственную силу решений, резолюций и постановлений, спущенных сверху и принятых у себя на бесконечных заседаниях.

– Договорились, скажем: быть дороге... сейчас постановление, а постановили, значит – закон...

– Законы, Миша, без Бога да совести не помогут, – резонно заметил ему дядя Иван.

На что безбожник Клюка сказал как отрезал, что «молитвой дороги не сделать, молитва – лодырю-живодёру оправданье», а в новом деле нужна «организация».

Слушая Мишку, и дядя Прохор вдруг уверовал, что правда за ним – Клюкой. Он, пожалуй, не уповая на Бога и царя, сумеет преобразить жизнь, развеять вековую мужичью тоску, а «мучительную, бесполезную работу, идущую изо дня в день, из года в год», превратить в труд освобождённый и потому радостный и желанный.

– Только как же, Прохор, без Бога-то? – стоит на своём дядя Иван.
– Без Бога и этак весело?..

– А ты слушай, ты всё о птице, да о том, о сём, а птица – она не резон человеку. Человеку другой зарок, чем птице. Ему трудом да разумом украшаться надо...

Дядя Иван выслушал старого Прохора, поправил молодого Клюку и обоих искренне пожалел, потом «посмотрел в синеву и истово перекрестился на золочёную маковку Дионисия, последний раз блеснувшую в вечернем тумане...»

Не успел и день закончиться, ещё и до деревни с покоса не добрались, а настроение Прохора изменилось:

«Медленно расплзается оглохшее время в ушах загнетинских обитателей, и никто не поручится теперь ни за себя, ни за друга, что вот, за малейший пустяк, он не тяпнет по затылку кого-то, кто ближе, косой или выгнувшим пнём, и не свалит. У всех одна и та же ноша: нелепая обида и безвыходная скука, скука пней и коряг, и низколобого шершавого сосняка.

– Может, и впрямь преставление света, – спрашивает кого-то Прохор...

Уж и Прохору блазнится, что в этой революционной «спешке все заметнее превращение устремлённых к цели людей в безликую массу, толпу и что конечная-то цель пути – не храм, а грязный сарай, где не Ангел-хранитель, а Сатана» (**Леонид Воронин**).

Тоска об утраченном единении человека с самим собой и с природой в душе русской неизбывна. А чтобы вернуть в жизнь гармонию, нужно бы во всём учинить «обновленье, да через труд человеческий, да через разумный...»

Вчера «так и не дали народу прийти к «трудолюбному завтрию», так и не сумели мы по сию пору наладить жизнь, «чтобы наши дороги не хлябали». Удивительно: каким предчувствием будущего обладал молодой поэт Алексей Ганин!...» (**А.Романов**).

А хватит ли у нас духу на «разумные дела» сегодня?

О БЫЛИННОМ ПОЛЕ

Думаю, мало кто из нынешних молодых прочитает эту поэму от начала до конца, далеко не каждый ещё и обратится к ней. И потому прежде, чем говорить о ней, стоит вкратце (без комментариев) познакомиться с её бесхитростным сюжетом, а уж потом и поразмышлять над прочитанным.

Итак, живо ещё оно – поле былинное, не заросло чертополохом. «Простор в поле – широк и велик, птице лететь бы и тоже умяться». Ходит по нему ещё правнук Микулы, «взрывая бугор за бугром», сам «краснощёкий, а конь – в серебро, грудаст и матёр».

А у пахаря одна мечта вековечная – «вспахать бы всё поле, доехать бы до края земли, где вольная воля и Лады кольцо золотое».

Уж тысячу лет, как прошла Лада по селу и как пропала, а до сих пор слышится её оклик с далёкой межи: «Ой, где ты мой суженый, любимый жених?..»

И вот, наконец, «сварба великая будет», а перед ней:

... кипит говорливая пахота
не от той ли от силы немереной,
что оставили деды на пахоте
до поры, до урочного времени...

А «чёрные тучи, нагуливают груди, перемигиваются» и ворчат:

«И откуда взялось мужичья?
От клячи и народу
нет через поле проходу...
Али они пьяные, али глупые?»

И сколько бы вороги разноплеменные не вытаптывали и не опустошали землю русскую, сколько не надругались бы над её святынями, до конца они «силу чернозёмную не выпили и думы Микуловы» не вытравили. И эту «силу да думу почуяли даже те, кто от лени неражие». Вот и «прошла молва по сёлам, будто Лада-Заря запросватана за правнука Микулича за вихрастого». По преданию древнему, пахарю-жениху, что «встретит Зорьку на пахоте», «будет отдано небо в приданое».

Только и свадьбе не все рады:

«Тучи с полунеба выпили свет,
ой, что-то грозное тучи таят,
стало под небом и душно, и тесно...»

Плач слышен невестин, «девичья песнь по полям расплеснулась», не знает она, закрытая в тереме, как «к любимому в поле пройти». «Крепок у ночи терем высокий, чёрные свахи стоят на пути, совы глазастые стены дозорят»:

«Слушайте, люди, мне горек полон,
солнце в мой терем приносит не лен,
песни да думы – живые лучи...
Песни да думы пряду я в ночи.
Али мне снова тысячу лет
В поле весёлые песни не петь?
В тереме ночи сидеть вековойшей...»

Не лёгкая выпала мужикам доля: «шумен и гулок мужичий совет», «ехать до терема – нету дороги, крылья бы надо, и крыльев нет». И вот чудное чудо! Не умер древний владыка земли, сказалась «дедова песня»:

«Буря ль промчалась по дебрям-лесам?
Гой, то не буря, то ввысь к небесам
правнук Микулы к Заре полетел;
Пахарь за тучей ревниво запел:
«Слышал я зовы твои, Заряница,
конь мой быстрее и ветра, и туч,
выдала тайны мне старая ночь,
к прадеду-Солнцу я мчусь на поклон,
чтоб вызволить Ладу мою из полона,
Лада моя, золотая пора,
ладом не ладом, а будешь моя...»

Но долог и опасен путь жениха. «Нечисть хапучая» прикинулась тучами, к полю былинному надвинулась, «теснится с востока, теснится с заката», гонится «за правнуком, огненные плети раскидывает». Соскочили разбойные вихри с неба на землю, кинулись к Микуличу:

«Гей, берегись!
Много ты задумал, не рано ли?
Кости да погосты – приданое
будет тебе с этими харями...»

Но уже поздно спохватилась вражья нечисть, почуял силу Микулич, а сила его – «сила мирская, думы мирские – крылья коня». И как ни старались «тучи чёрные», а «всю кипучую злобу истешили – и бессильные в море свалились». Тут и «нежить лесная» стала «путать следы человеческих дум»:

Забирается в брови и в бороды,
забирается в уши, за гашники,
чтобы силу по капельке высосать,
чтобы веру по крошечке выжевать.

Знает поганая мелочь секрет:
силу мирскую не свалит гора,
да тля незаметная гору подточит...

Хитра «сила поганая», знает, с какой стороны к мужику подступиться. Легко она просачивается в думы мужичьи, просторно в них, как в поле, «гуляй, кому надо, что хочешь – топчи, только про счастье мужичье шепчи, да жалобней вякай про горькую долю».

«Будут покорны тогда силачи,
красные речи замажутся сажей,
сами друг другу могилы укажут,
и сами себе панихиду споют...»

И вот уже в который раз Нечисть и Нежить – «поганый сброд, спутали, сбили с толку народ». И опять обо всём народ забыл: и про Ладу-красу, и про волю вольную, и про сварбу великую. И опять поле запущено, а пахари «спорят, да грязью, да дырьями хвастают». И так они будут судить да рядить, пока снова кто-то не сподвигнет их на подвиги безумные, не посмеётся над ними и не пристыдит их:

«Али вы к работе не приучены?
Спали бы до времени, чем кур смешить...»

А пока «распалась великая рать, черносошная сила разъехалась, по хатам по печьям расхамалась, за бабьи сарафаны попряталась». А правнук Микулы «прощальное крикнул Заре и сгорел!..» Не он первый, не он последний «к ясному солнцу с песней взлетал, думы-зарницы в терем нёс. Только никто не остался в живых. Тяга земная зовёт и пугает...»

«С тех пор по утрам
Над полем широким
Пронесятся пахарь и конь
В серебрястом тумане.
И смотрит им в след золотая косуля с бугра...
А светлая Лада
через тысячу лет, да объявится...»

О СИЛЕ НЕМЕРЕНОЙ И ЛЕНИ ЗАПЕЧНОЙ

«Быть бы гусяром,
Да прашуров гусли утеряны...»

Так начинается поэма, настроенная на старинный лад, на тот самый – не обыденный, а возвышенный, эпический. На таком языке, заряженном языческой стихией, только и можно было пробудить в мужике заснувшие природные начала, затронуть тонкие струны души народной, отзывчивой на прежнее легендарное, на родное, на подлинное. Только таким слогом и можно было связать воедино и время нынешнее, и времена давно минувшие.

К такому эпическому слову и к таким героям, как Микула Селянинович, у народа ещё осталось доверие. Такую песнь о его правнуке он ещё мог услышать и сердцем на неё откликнуться.

Поэт верил в то, что смерть человека – это переход в иное бытие, и потому мир предков, прошедших по земле, с миром живых неразделим, и впереди грядет время воскрешения мертвых. Предки не оставляют нас, особенно в смутные времена, и влияют на жизнь и людские судьбы через нашу обострённую и чуткую память.

Вот почему для поэта образ Деда («То Дед, давно умерший дед, весь в солнышке, в седом наряде») время от времени является ему как собеседник «на пиру» в «роковые для мира минуты»:

«Только утром под солнечным стогом
Слышал я между явью и сном:
Ей рассказывал Дед босоногий
О слепом лихолетье земном...»

Это образ мудреца-сказителя, который словом высоким, как волшебной иглой, сшивает времена и эпохи, соединяя их в одно живое историческое пространство. Слово его пророческое, опираясь на древние предания, будто просвечивает насквозь и раскрывает все события современности в их светлом и драматическом движении – от настоящего к будущему.

«И плачут под красным окошком
О дедовых сказках,
О пряниках в сусле внучата,
И будто о чём-то на полке
Мохнато задумалась шапка,

И тихо тоскуют у двери
Дедовы лапти с онучей...»

Да, души предков живы и незримо общаются с нами, пытаются предостеречь нас от своих ошибок.

Автор не побоялся взять на себя роль гусяра, войти в его образ и начать былинный сказ о «древнем поле» – широком и просторном, которое «ни сердце лошадиное не охватит, ни глаз человеческий не измерит». Для поэта важен не поверхностный срез событий революционной эпохи (Декрет о земле и всё, что с ним связано), а их глубинная связь с историей страны, вековыми думами и чаяниями народа. Только так, погрузившись памятью во времена эпические, можно острее ощутить, лучше понять, точнее увидеть и своё место в цепи прошедших поколений, и почувствовать незримую и живую связь разных эпох, трагических русских судеб, великих народных ожиданий и разочарований...

Из прошлого вернее видятся события настоящего и будущего, приходит пророческое понимание и объяснение того, что и почему творилось вчера и творится сегодня на русской земле: «бойня первой мировой войны, идеальный пафос революции и её последующее падение в пучину кровавой грязи, братоубийственная резня гражданской, стенания крестьян, умирающих от голода 1921 года...» (С.Куняев).

По мнению Александра Романова, «Былинное поле» Алексея Ганина – это трагическое прозрение великого обмана». Оно «настолько обострило его видение, что за разорением крестьянства открывалась ему и более глубокая подноготная: лишение русского народа национальной самобытности и будущности».

Да, Ганин рано понял и почувствовал «кровавый замысел» новой власти, заступившей на службу дьяволу и призванной им, и то, какое горе и какие лишения она несёт России:

«Ясный дух Русского народа предательски умерщвлён. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял ещё голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведёт счёт великим бедствиям и страданиям народа в целом.

Каждый, кто бы ни был, ясно начинает осознавать, что так больше нельзя. Каждый мельчайший факт повседневной жизни – красноречивее всяких воззваний. Всех и каждого он убеждает в том, что если не принять какие-то меры, то России как государству грозит окончательная смерть, а Русскому народу – неслыханная нищета,

экономическое рабство и вырождение» (Из манифеста русских националистов).

Об этом он напишет позже и за «трагическое прозрение» заплатит жизнью. Он, конечно же, предчувствовал исход и своей судьбы и потому, беря в руки «легендарные гусли», спешил поведать миру о том, что у него на душе наболело, и о чём он хотел во весь голос землякам напомнить, и от чего русского человека предостеречь.

Так о чем же она – поэма «Былинное поле»?

О русской силе немереной, которая вскипает в нас, и мы, почуяв её в себе, распрямляем плечи, но чаще всего уже на краю бездны, когда вопрос встаёт о жизни и смерти – быть земле русской или не быть?

Она и о великой лени нашей – «сонной и запечной», «бородатой, неумытой и непричёсанной», когда у худого хозяина «сошки расшатаны, клинышки в рассохах повypпали, железо о камни притупилось», а борозды наведены кое-как и вихляют на поле, как пьяные – «вкривь и вкось».

«Как хламом сундук, позакидано поле -

Издёвками, громами, криками...

Спорят, кто глуп, кто богат, кто умён;

Спорят, да грязью, да дырьями хвастают,

Судят да рядят...»

«Былинное поле» и о характере нашем – покладистом, отзывчивом и упрямом. Уж коли что мужику в голову втемяшится, то и верно, с места его не своротишь, пока он сам не поймёт, какую глупость на радость недругам и по их хитрому наущению он по простоте душевной сморозил.

Но если уж мужики, когда зуд в руках почуют и вдохновенье поауют, на дело всем миром навалятся, то горы свернуть могут, и тут уж под руку им ничего лишнего не говори – и словом покалечить могут. Вот и за Микулой ходила разбуженная им от лени «великая рать», собранная по углам запечным и полатам пыльным из мужичья лапотного. Любо им от работы дружной, от думы единой, чуют они в себе силу богатырскую и никакого врага не боятся, с любым готовы на поединок выйти и победить. И глядеть на них любо, когда они, наивные и глупые, «четырежды святы» в работе дружной, артельной:

«Выступит пот – рукавами утирают,

малое коренье лихой заливают,

древнее поле перепахивают,

глыбы шивячье расколачивают,
 злое коренье выворачивают,
 да за версту с гаком в бучажины
 отмахивают...»

Поэма эта и о душе русской – открытой и доброй, – и о том, как легко она доверяется каждому встречному и, доверяясь, часто обманывается и оттого горько страдает. А от страдания неизбежного мужик, тоскуя о воле вольной и познав сладкий вкус её, безоглядно, слепо и беспощадно «хватается за рогатки» и колья.

У мужика рядом всегда найдётся услужливая «нежить да нечисть». Они «дружками прикинутся» и «в глазах, и ушах» встанут да и заслонят доверчивых пахарей друг от друга. Они хорошо знают, с какого края к мужику подкатиться, чтобы на свою сторону его переманить. Они умеют сбить его с толку, отбить охотку к работе, а друзей-соседей навсегда рассорить и друг на друга натравить.

И вот уже «мужичье поле завыло, заохало»:

«Братцы, товарищи, други, соседи,
 али из-под шапок повытрясли ум?
 Али мы сосны? Али медведи,
 чтоб в бури, без крова, в полях вечерять?
 Да и что нам сегодня приспичило
 маяться без отдыха, без лопанья,
 до дыр сносить онучи в красных
 хлопотах...»

Чай, пахота не баба, не состарится». Круглодурое, неумытое пялится...»

«Безбоязненность поэта поразительна. Предчувствие борьбы безошибочно. Поэтому и вспыхивает в поэме, как афоризм, пророческое двуступенное:

«Грозу да напасть не столетьем считать,
 да в минуте грозы – на столетие беды...»

Искрами сыплются эти слова в прожитые нами годовщины. Да, уж к веку подбивает, как борозды наши ползут вкривь да вкось, как спутался с толку народ, как злобой да ленью загажено Древнее поле.

...Да, скоро запрягали, да не туда правили! Теперь-то это хорошо

видно, но как из 1923 года ещё не сбывшееся можно было увидеть? И не ошибиться в предсказаниях? И не утрашиться за себя от такой отваги? Вот что значительно для нас в поэте Алексее Ганине!..» (А.Романов).

Да, эта поэма и о том, что живём мы только мечтой о будущем, которая, как золотой сон, сопровождает нас из поколения в поколение, из века в век:

«Уж тысячу лет нам повелено, буде встретим мы Зорьку на пахоте, будет отдано небо в приданое и земля – вековая кормилица, будут ситцем и сахаром дареным наши хаты доверху завалены». Только вот неизвестно, станет ли мечта о «великой сварбе» когда-нибудь былью...

Но этой мечтой, слава Богу, пока и живём...